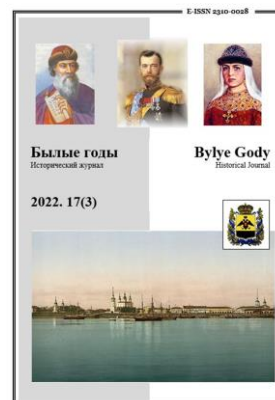

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1102-1113
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1102

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

About the Nature of the Bashkir Uprisings of the XVII-XVIII centuries

Bulat A. Aznabaev ^{a, *}, Aleksey I. Kortunov ^b

^a Bashkir State University, Russian Federation

^b M.Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

To date, the explanation of the nature of the Bashkir uprisings of the XVII-XVIII centuries is reduced to four common concepts: the initial hostility of the nomadic civilization to the settled world, the desire of the Bashkirs to restore the structures of the Mongol empire or even create their own khanate, anti-colonial speech, feudal separatism of the Bashkir nomadic nobility. In our opinion, none of the presented concepts can give a consistent explanation of the phenomenon of Bashkir uprisings. In turn, we offer a look at this problem in the discourse of the method of political theology by K. Schmitt. He revealed an analogy between political ideas and theological concepts of this particular society. We claim that the political ideas of the Bashkirs of the XVII-XVIII centuries had an analogy with the myth of Genghis Khan, reflected in literary texts and the Bashkir shezhere. In this myth, the deeds of Genghis Khan are recognized as the cause of the existing world order, but further history takes place without his leadership role. The demiurgic role of Genghis Khan did not become the basis for the sacralization of his descendants, who were subject to displacement in case they violated the commandments of their ancestor. Such a political and legal system evokes an analogy with deism in theology, which expels a "miracle from the world", forbidding the sovereign to invade the existing legal order. The fundamental divergence of the yasa of Genghis Khan with the concept of the rule of law of Kant and Schmitt begins with the definition of the attitude towards the sovereign who decided to abolish the current law and order, i.e. introducing a state of emergency. In Genghisism, it is excluded and any violation of law and order must be stopped by the overthrow of the ruler. If at the imperial level this prerogative belonged to the Kurultai, then in Bashkiria of the XVII-XVIII centuries, due to the absence of an institutional elite, this role was performed by the "yyyyns". After the voluntary acceptance of Russian citizenship in the middle of the XVI century the myth of Genghis Khan was spread by the Bashkirs to the Russian monarchs. All Bashkir uprisings of the XVII-XVIII centuries were the result of unilateral violation by the Russian authorities of the terms of a voluntary agreement with the Bashkirs. Bashkirs believed that resistance to a ruler who violated his own laws was a manifestation of loyalty to the state. Passive resistance was excluded because Bashkirs could not be integrated into the social structures of neighboring nomadic peoples without losing their identity. In the Southern Urals, back in the period of the Mongol Empire, a special variant of political unification emerged, in which horizontal ties between tribal structures dominated over vertical ones. Such an egalitarian structure of Bashkir society did not have internal tools for resolving intergenerational conflicts. Bashkir polity was supposed to be part of the imperial structure, which would be interested in maintaining law and order and peace between the clans. For the same reasons, the Bashkirs avoided creating their own khanate.

Keywords: Bashkir uprisings, Genghisism, political theology, Bashkir politics.

* Corresponding author

E-mail addresses: azbulatt@rambler.ru (B.A. Aznabaev), kortunov@rambler.ru (A.I. Kortunov)

1. Введение

Безусловно, важнейшими событиями в истории Уральского региона являются башкирские восстания XVII–XVIII вв. Они были одними из самых крупных восстаний нерусских народов эпохи Средневековья в Российском государстве. Башкирские восстания, происходившие с определенной периодичностью в течение XVII и XVIII веков, признаны в исторической науке интересным явлением, достойным всестороннего изучения и анализа. Ученые-историки признают, что без изучения истории башкирских восстаний невозможно понять политическое, социально-экономическое и культурное развитие Башкирского края в обозначенный период. И не случайно в отечественной и зарубежной историографии этому вопросу уделено самое пристальное внимание, что в свою очередь породило ряд дискуссий среди российских исследователей. Это бесспорно подтверждает особую важность и актуальность изучаемой проблемы.

2. Материалы и методы

2.1. Основными источниками, на которые опирались авторы при подготовке исследования, являются неопубликованные документы, извлеченные из фондов: 16 (Разряд XVI. Внутреннее управление – коллекция Государственного архива России), 119 (Калмыцкие дела – коллекция фондов Посольского приказа и Посольской канцелярии); 248 (Сенат и его учреждения); 342 (Комиссия о сочинении Нового Уложения (коллекция), 1173 (Уфимская приказная изба), 1324 (Материалы генерального и специального межевания Межевой канцелярии и местных межевых учреждений по Оренбургской губернии 1750–1910 гг.) Российского государственного архива древних актов (РГАДА), а также фонда 3 и 23 Научного архива Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (НА УФИЦ РАН). Также в исследовании использованы и опубликованные материалы ([Материалы..., 1936](#); [История..., 2012](#)).

2.2. Методологическую основу исследования составили классические общенаучные принципы объективности и историзма. Основными методами исследования стали хронологический, проблемно-исторический и метод историко-сравнительного анализа. Авторами статьи также использовались такие методы и приемы, как анализ и синтез, индукция и дедукция.

На восстания башкир можно взглянуть с позиции методологического подхода К. Шмитта, представленного в исследовании «Политическая теология» ([Шмитт, 2000](#)). Данный метод предполагает наличие определенной связи между теологическими понятиями и политическими представлениями, распространенными в определенном обществе. Этот подход можно отнести к частным случаям структурализма, однако К. Шмитт, рассуждая об аналогии, подразумевал факт сходства системных структур соответствующих понятий. Важно понимать, что речь идет не о переносе теологических понятий в политико-правовую область. Скорее всего, речь об анализе уже имеющегося соответствия между ними. Это соответствие и представляет собой аналогию ([Кондуков, 2019](#)).

3. Обсуждение

Представителями российской администрации вопрос о причинах восстаний в Башкирском крае обсуждался еще в XVIII в. В последние годы среди историков появилась тенденция усматривать в башкирских восстаниях феноменальную природу ([Акманов, 2016](#); [Пузанов, 2014](#)). В целом все имеющиеся на сегодняшний день исследования башкирских восстаний условно можно разделить на четыре группы.

Хронологически одной из самых ранних, тем не менее, до сей поры актуальных, является трактовка башкирских восстаний, которую можно назвать эссенциалистской. Ее сторонники настаивают на том, что кочевникам вообще, и башкирам в частности, свойственна изначальная враждебность к оседлому земледельческому миру. Умиротворение номадов возможно только через полную их седентаризацию. В 1763 г. оренбургский губернатор Д.В. Волков писал Екатерине II: «Разсуждая о сем и припомянув башкирския бунты, не бросается ли тотчас в глаза, что есть ли б сей народ меньше кочевал, а больше прилежал к домостроительству и хлебопашеству, то и бунтов не случилось бы, хотя бы и таковы огорчения им деланы были, на какия они жаловались» ([РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 813. Л. 118](#)). Из современных исследователей схожие мысли высказал А. Капшлер, увидевший в башкирских восстаниях XVII–XVIII вв. классический конфликт между оседлыми земледельцами и кочевниками ([Капшлер, 2000: 45](#)).

Официальное признание царскими властями всех кочевников «ветренными и непостоянными» подданными удивительным образом сопрягается с постмодернистским дискурсом, который заключается в формулировке, что он (номад) ускользает от нормативных установок, не вписывается в общество, отторгается им и при этом вызывает к себе интерес и иногда даже почтение ([Новиков, 2006: 21-31](#)).

Вторая группа исследователей башкирских восстаний придерживается концепции, которую условно можно назвать ностальгической. Ее последователи утверждают, что спустя столетия после распада Монгольской империи башкиры в той или иной форме стремились воссоздать государство во главе с чингизидами. В 1708 г. казанский комиссар Степан Вараксин отметил: «А учинился воровству начаток на Уфе не от податей, и не от тягостей и не от окладчиков, умыслили они воры башкирцы,

чтоб им не быть под державою его царского величества и посылали от себя посланцов в Турки к салтану и в Крым к хану домогатца» (*Материалы...*, 1936: 236). Из современных авторов отметим позицию Р.Ю. Почекаева. Он напоминает, что во время башкирских восстаний в качестве предводителей восставших многократно приглашались представители рода чингизидов и другие тюрко-монгольские правители. Они признавались башкирами в качестве ханов. Это свидетельствует о том, что башкиры не только стремились освободиться от русского владычества, но и предпринимали попытки восстановления прежнего государственного устройства и правления (*Почекаев, 2014: 111*).

Третью группу исследователей объединяет стремление увидеть в башкирских восстаниях антиколониальный протест. В соответствии с марксистской доктриной такие историки приоритетное внимание уделяют социально-экономическим процессам как в самом башкирском обществе, так и в Российском государстве. При этом авторов, трактующих башкирские восстания как национально-освободительные движения, не смущает очевидная модернизация объекта (*История...*, 2011: 13). Более умеренным представляется положение, согласно которому восстания представляли собой антифеодальное выступление (*Акманов, 2016*).

Наконец, наиболее экзотической представляется точка зрения, объявляющая башкирские восстания типичным проявлением феодального сепаратизма. Основоположник этого подхода Н.В. Устюгов утверждал, что российское подданство башкир являлось в первую очередь вассальной зависимостью башкирской феодальной верхушки от царя (*Устюгов, 1950*). Перенос социально-политической модели классического феодализма на общество евразийских кочевников впервые был осуществлен С.П. Толстовым (*Толстов, 1934: 98-122*) и Б.Я. Владимирцевым (*Владимирцев, 1934*). Несмотря на критику, данный подход еще находит своих последователей (*Sneath, 2009*). Тем не менее сравнение вооруженных выступлений европейских феодалов против королевской власти с башкирскими восстаниями XVII–XVIII вв. приводит нас к различиям в области права. Выступления европейских феодалов против королей носили характер частной войны. К тому же в большинстве стран Европы XIII в. война против монарха была признана войной против государства, и тем самым мятежники лишались возможности оправдать войну личными обидами (*Макглинн, 2011: 101*). Как мы покажем ниже, российское государство до башкирского восстания, причиной которому явилась работа Оренбургской экспедиции, официально признавало вооруженные выступления башкир «войнами», т.е. декриминализовало их.

Следует оговориться, что представленные историографические концепции рассматриваются как идеальные типы, что не исключает возможность появления положений, объединяющих две или даже три позиции. К примеру, Н.Ф. Демидова в 50-е гг. XX в. объясняла башкирские восстания противоборством двух феодализмов – российского (развитого) и башкирского (патриархально-родового). Восстания – классический случай столкновения двух обществ, находящихся на разных ступенях феодальной формации.

4. Результаты

По нашему мнению, ни одна из представленных концепций не дает непротиворечивого объяснения причин и характера башкирских восстаний.

Эссенциалистский подход, полагающий, что все кочевые общества изначально враждебны оседлым земледельческим цивилизациям, не имеет исследовательских перспектив в силу метафизического свойства данного утверждения. К тому же башкиры в XVII–XVIII вв. давно не являлись классическими кочевниками. Вотчинники одной из четырех дорог Уфимской провинции (Осинской) практиковали полностью оседлое земледельческое хозяйство.

Историки, усмотревшие в башкирских восстаниях стремление башкир в той или иной форме восстановить структуры Золотой орды или даже создать собственное ханство, не могут ответить на один вопрос: что помешало башкирам сделать это? К примеру, после восстания 1704–1711 гг. башкиры на 11 лет даже обрели независимость от России *de jure* (*Таймасов, 2009: 113*). Официальное возобновление российского подданства произошло только в 1722 г. (*РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 115. Л. 697*). За это время на территории башкирских волостей побывало несколько чингизидов – настоящих и самозванных. Некоторые представители рода Шибана официально титуловались башкирскими ханами и султанами. Наряду с сомнительным ханом Султан-Хази и явным самозванцем Абдурахманом, выдававшим себя за потомка Кучума (*Валиди, 2010: 104*), у башкир находились вполне легитимные чингизиды. Шибанид Султан-Мурат представлял башкир в ходе переговоров с Крымом и Османской империей. Есть мнение, что хан Младшего жуза Абулхаир был избран именно благодаря своей роли в качестве башкирского хана во время восстания 1704–1711 гг. (*Ерофеева, 2007: 131*). Один из лидеров восстания Алдар Исекеев готовил на роль хана башкир шибанида Рыс-Мухаммеда бин Бошай (*РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 115. Л. 679*). Несмотря на избыточное количество претендентов на ханский престол, башкиры предпочли в 1719 г. обратиться к российскому правительству с просьбой о возобновлении прерванных восстанием отношений подданства.

Идея рассматривать башкирские восстания в дискурсе антиколониальной борьбы вызывает несколько возражений. Во-первых, как отмечает Диттмар Шорковиц, дискурс о России как о колониальной империи всегда был противоречивым, как и связанные с этим коннотации

относительно континентального или внутреннего колониализма России на сегодняшний день (Шорковиц, 2021: 95). В 2018 г. авторы обзорной статьи о российском колониализме были вынуждены повторить этот же тезис, признав, что объективное изучение проблем «российского колониализма» и «антиколониального движения» в России находится в постановочной стадии (Гафаров, Галеева, 2018: 28).

В региональной литературе преобладает марксистская интерпретация колониализма как политического господства с целью экономического ограбления (феодалного или капиталистического) этнических окраин (История..., 1996: 212; Зинуров, 2001; Акманов, 2016).

Однако при обращении к эмпирике колониальной практики мы не всегда можем подтвердить это положение. По утверждению Д. Шорковича, расходы царя в российском Туркестане почти вдвое превышали его доходы от этого региона в период с 1868 по 1910 гг. (Шорковиц, 2021: 99). Исследователи британской колониальной политики Галлахер и Робинсон еще в середине XX в. заметили, что выбор вектора территориальной экспансии правящими кругами Англии определялся не интересами финансового или промышленного капитала, а стремлением обезопасить заморские владения империи (Gallagher, Robinson, 1953).

Насколько Башкирия XVII – начала XVIII вв. соответствовала представлению об экономически эксплуатируемой колонии России? В начале XVIII в. башкиры владели на правах вотчинного права территорией, площадь которой составляла 366,8 тыс. кв. км (Рахматуллин, 1988: 67), то есть превосходила современную территорию Германии. К началу XVIII в. по 306 ввозным и отказным грамотам уфимским служилым людям было отведено 12 240 четвертей земли в поле (Азнабаев, 2005: 97), т. е. 18 360 десятин или 200,5 кв. км. Крестьяне дворцовых волостей Уфимской провинции обрабатывали около 20 000 десятин земли, т. е. приблизительно 220 кв. км (Азнабаев, 2005: 112). Таким образом, к началу XVIII в. за 150 лет колониальной эксплуатации башкиры лишились менее 1,5 % своих владений. Что же касается природных ресурсов края, то до 1736 г. российская администрация не могла получить от башкир доступ до богатейших в стране Илецких соляных месторождений (РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1131. Л. 154). Уфимские власти были вынуждены вкладывать значительные средства для производства соли из минеральных источников в районе Табынска. Основным препятствием для расширения служилого и дворцового землевладения в Уфимском уезде являлось вотчинное право башкирского населения, на законодательном уровне защищаемое российскими властями.

Запрет на любые формы отчуждения башкирских вотчинных земель был установлен, невзирая на то, что государство не имело никаких представлений об этих владениях. Первые измерения башкирских вотчин были проведены только в период Генерального межевания начала XIX в. Реестр башкирских волостей с указанием их местоположения и описанием путей к ним появляется только в 1730 г. (Материалы..., 1936: 130). Ландкарта Башкирии была составлена в период деятельности Оренбургской экспедиции в середине 30-х гг. XVIII в. Первая более или менее полная перепись башкирского населения была осуществлена в 90-е гг. XVIII в. Последователь М. Фуко Бернард Кон утверждает, что политический контроль за колонией был бы невозможен без сбора и систематизации информации о колониальном обществе (Bernard, 1996). Если исходить из этого тезиса, то Башкирия XVI – первой трети XVIII вв. никак не соответствует понятию «колония».

Рассмотрим тезис о «колониальном ограблении» Башкирии в отношении фискальной политики российских властей в регионе. В 1720 г. казанский комиссар Федор Люткин подсчитал, что один башкирский двор уплачивал в казну ясак на сумму 2 копейки. Для сравнения комиссар привел данные о податном обложении ясачных татар в соседней Казанской провинции, где с одного двора собирали по 8 рублей 78 копеек (РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 115. Л. 150). По нашим подсчетам, в начале XVIII в. затраты на содержание администрации и гарнизонов в Уфимской провинции в 4 раза превосходили ясак, уплачиваемый башкирами (Азнабаев, 2005: 95-102).

Сами башкиры никогда не жаловались на тяжесть ясачной подати и не просили убавить или отменить ясак. Более того, официальное упразднение ясака 15 марта 1754 г. они восприняли как угрозу своим вотчинным правам. В своем наказе в Уложенную комиссию башкиры Исетской провинции добивались восстановления ясака даже при сохранении соляной казенной монополии, введенной вместо ясачной подати (РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Л. 271). В этой связи утверждение казанского профессора Н.А. Фирсова о том, что башкиры в Московскую эпоху являлись самым привилегированным народом Российского государства, не кажется преувеличением (Фирсов, 1871).

Вместе с тем сторонники антиколониального дискурса избегают ответа на вопрос, почему самый благополучный народ России являлся самым упорным противником власти в XVII – первой половине XVIII вв.

Мы выдвигаем гипотезу о том, что политические представления башкир XVII–XVIII вв. имеют аналогию с мифом о Чингисхане, отразившемся в литературных текстах и шежере башкир.

Некоторые исследователи полагают, что данный миф представлял собой законченную религию. К примеру, в трудах В.П. Юдина чингисизм – религия, в корне изменившая мифологические представления как завоеванных народов, так и завоевателей. «Раздел Чингисхана» и «разделы» его приемников стали у кочевых и некоторых других народов высшими категориями

мировоззрения и идеологии (Юдин, 1992: 24). Напротив, И.Л. Измайлов считает, что чингисизм не религия, а особая парадигма монгольской и татарской политической идеологии (авторы полагают, что понятие «идеология», применяемое в отношении средневековых представлений, является ничем не оправданной модернизацией). Чингисхан в золотоордынской традиции, вероятнее всего, выступает в роли отца-основателя, создателя государства и законов. То есть он, по сути, являлся вечным правителем, временно передающим свои права вновь избранному хану. Благодаря этому сформировалось представление о самостоятельном Улусе Джучи, династической легитимности и т.д. (Измайлов, 2002: 192).

А.Г. Юрченко отмечает, что, не будучи религией, чингисизм все же повлиял на характер войн, которые вели монголы. Стоит отметить, что символом монгольского господства в странах ислама стала Великая Яса. Она противопоставлялась исламскому закону (шариату). По монгольским законам власть хана была личной, которая даровалась ему «Вечным Небом», и это свидетельствовало о ее легитимности. По закону в подчинение ему отданы все народы (Юрченко, 2006: 10).

Вместе с тем, по утверждению Р.Ю. Почекаева, с XIV в. позиционируются иные основания легитимации власти, связанные с распространением ислама в Золотой Орде. Автор выделяет несколько наиболее характерных религиозных факторов легитимации политической власти. Во-первых, это ссылка на религиозные нормы и апелляция к духовным авторитетам при принятии важнейших государственных решений; Во-вторых, это породнение правителей с авторитетными представителями мусульманского духовенства. В-третьих, обоснование своих деяний защитой и распространением истинной веры (Почекаев, 2013: 97, 101, 105).

Соглашаясь в целом с наблюдениями Р.Ю. Почекаева, все же отметим, что религиозные факторы, в силу их универсального характера, не могли стать основой для легитимации власти на внешнеполитическом уровне. К примеру, если борьба началась между мусульманскими народами, то апеллировали к исламу обе стороны. Так, в XVI в. ногаи, казахи и башкиры претендовали на территорию Южного Урала. Ногаи, в отличие от казахов и башкир, полностью отказались от любых ссылок на чингисизм. В результате сакрализация правящего дома, происходившего якобы от суфийского подвижника XII в. Ходжа Ахмеда Ясави, не только не дала никаких преимуществ ногаям, но фактически ослабила легитимность власти их правителей. В то время как для казахской государственности и башкирской политики чингисизм выполнял функцию государственно-правового императива. Для башкир чингисизм стал краеугольным камнем их мифа о башкирском вотчинном праве (Азнабаев, 2016).

Особо следует отметить, что сам К. Шмитт не сводит теологические представления к религии. Под теологией Шмитт понимает миф, fasciniрующий массы на самопожертвование и «великое решение». Примерами таких мифов являются представление о славе и великом имени у греков или ожидание Страшного Суда в древнем христианстве, вера в «vertu» и революционную свободу во время Великой французской революции и т.д. (Шмитт, 2000: 241).

Можно задаться вопросом, как миф о Чингисхане повлиял на политические представления башкир? К XVI в. у всех народов, обретших политическую субъектность на развалинах великой империи, чингисизм трансформировался в соответствии с интересами своих элит. В башкирских шежере сакральная роль Чингисхана редуцирована до креационистской роли. В их представлении основатель Монгольской империи принадлежит к чрезвычайно отдаленной пространственной и временной реальности. Деяния Чингисхана признаются в качестве причины существующего мироустройства, однако дальнейшая история происходит уже без его руководящей роли. Чингисхан, согласно башкирским шежере, утвердил за главами башкирскими родами их вотчинные владения, определил каждому роду свою тамгу, уран, дерево и птицу (Кузеев, 1960: 51). Однако демиургическая роль Чингисхана не стала основанием для сакрализации его потомков. В качестве примера можно привести противоречивую историю взаимоотношений башкирских родов с шибанидами. После пресечения линий Орду-Ичена и Бату шибаниды остались единственными представителями законной линии потомков Джучи в башкирском Зауралье. Тем не менее именно зауральские башкиры выступают принципиальными противниками шибанидов. В 1662 г. восставшие башкиры Сибирской дороги решились на переговоры с российскими властями, что явно не входило в намерения сибирских кучумовичей, которые на короткий срок взяли на себя роль руководящего центра восстания в зауральской Башкирии. Попытки султанов Кучука и Чучалея воспрепятствовать переговорам башкир с российскими властями привели к тому, что почти весь сибирский дом шибанидов оказался в плену у башкир. Некоторых султанов башкиры сдали уфимскому воеводе (НА УФИЦ РАН. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1. Л. 54). Внук Кучума Кчук, ненадолго ставший башкирским ханом, по одной из версий был убит башкирами (Материалы..., 1936: 203). Его сын Султан-Мурат, приехав по приглашению башкир в Уфимский уезд, не спешил раскрывать себя, потому что «наперед сего у них башкирцев по призыву сродник ево Сунчелей салтан был владельцем и отдан от них в полон русским людем» (Материалы..., 1936: 239). Столь же незавидной была судьба его племянника – Рыс-Мухаммеда бин Бошай. Башкирский тархан Алдар Исекеев намеревался сделать его ханом, но в конце восстания 1704–1711 гг. башкиры поймали его и передали уфимским властям (РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 115. Л. 679).

Все без исключения конфликтные ситуации были вызваны несогласием чингизидов с решениями башкирских йыйынов – собраний вотчинников. Поскольку вотчинные права утвердил за башкирами сам Чингисхан, то его потомки не имели права вносить инновации в институты башкирского вотчинного права – внутреннее самоуправление, родовое землевладение и племенное ополчение.

Согласно оценке Шмитта, подобная политико-правовая система вызывает аналогию с деизмом в теологии, запрещая суверену вторгаться в действующий правовой порядок. К. Шмитт отмечает, что деизм соотносится в политико-правовой сфере с современным правовым государством (Шмитт, 2000: 57). Тем не менее деистическая концепция Шмитта не исключает «явления чуда» даже в современном правовом государстве. Он утверждает, что чрезвычайное положение имеет для юриспруденции значение, подобное значению чуда для теологии (Шмитт, 2016: 34). Однако Шмитт не выводит чрезвычайное положение за рамки юридического порядка. Оно необходимо для того, чтобы защитить существование нормы и ее применимость в обычной ситуации.

Принципиальное расхождение государственного права Чингисхана с концепцией правового государства начинается с определения отношения к суверену, решившегося на отмену действующего правового порядка, то есть вводящего чрезвычайное положение. Основоположник теории правового государства И. Кант категорически отрицает право подданных на вооруженное восстание. Он утверждает, что обязанность народа – терпеть злоупотребления верховной власти, даже те, которые считаются невыносимыми. Это утверждение основывается на следующем: сопротивление народа, оказываемое высшему законодательству, ни в коем случае не должно пониматься иначе, как противозаконное, и, более того, как уничтожающее все законное государственное устройство (Кант, 1965: 242). Тем не менее в конституциях крупнейших стран Запада право на вооруженное сопротивление правительству, нарушающего основные права граждан, подтверждено нормами позитивного права (Бабин, 2013: 181-200).

В Монгольской империи право на силовое смещение хана, нарушившего установления Чингисхана, не только допускалось, оно являлось обязанностью элиты (курултай) (Почекаев, 2017: 127).

В башкирском обществе отсутствовала институциональная элита в лице чингизидов, поэтому роль полномочных собраний выполняли не курултаи, а йыйыны (народные собрания). Чингизиды, приглашенные башкирами, смещались, если выступали против решения йыйынов. Резолюция, принятая на йыйыне, была обязательной для всех, независимо от присутствия на съезде или несогласия с его постановлением. Именно по решению йыйынов ханов приглашали, интронизировали или выдавали российским властям. Все башкирские восстания начинались только с санкции народных собраний. Для уфимских властей информация о сборах и съездах башкир являлась достаточным основанием для начала мобилизации русского населения уезда.

После добровольного принятия российского подданства в середине XVI в. парадигма мифа о Чингисхане была распространена башкирами на русских монархов. Авторы башкирских родословных преданий (шежере) отмечали сходство между подчинением башкирских племен Чингисхану и добровольным присоединением к Российскому государству. Башкиры находили в Иване Грозном правопреемника власти ханов Золотой Орды. С точки зрения башкир, его поступки вполне соответствовали деяниям чингизидов. Иван IV восстановил пожалованные Чингисханом и погранные ногаями вотчинные права башкир. Русские монархи жаловали башкирской знати тарханские звания, что являлось исключительной прерогативой представителей золотого рода. Употребление титула «белый хан» или «белый падишах» в башкирских шежере также подчеркивало преемственность власти московских царей от ордынских правителей.

В соответствии с башкирской версией мифа о Чингисхане русские монархи должны были защищать институты вотчинного права башкир, но вносить какие-либо изменения в существующие отношения без согласия башкир они не имели права (Кузеев, 1960: 44). Вследствие этого условия соглашения уже в начале XVII в. сложилась традиция приема в Москве башкирских посольств. Периодические контакты башкир с монархами были необходимы для улаживания неизбежных конфликтов, возникавших в управленческой практике. Согласно исследованию Н.Ф. Демидовой, башкиры обладали привилегией непосредственного обращения к главе государства по вопросам, которые не были отрегулированы в процессе принятия российского подданства (Демидова, 2003: 180).

Все башкирские восстания XVII–XVIII вв. были следствием одностороннего нарушения российскими властями этого соглашения.

В качестве примера обратимся к началу восстания 1704–1711 гг. Непосредственным поводом для вооруженного выступления стала деятельность прибыльщиков Жихарева, Дохова и комиссара Сергеева, являвшихся служащими Ижорской (Ингерманландской) канцелярии (Материалы..., 1936: 110). Фискальная политика этого учреждения нарушила буквально все условия добровольного подданства башкир: от обещания не увеличивать ясачный оклад без предварительного согласования с представителями башкир до обязательства защищать вотчинные права и не вмешиваться в религиозные дела башкир. Последним отступлением от прежних соглашений с башкирами стал запрет на отправку посольств в столицу. В 1708 г. башкиры жаловались царю: «А о том в прошлых де годах присланы к ним великого государя грамоты, что всяких поборов вновь не накладывать,

и вотчин не отымать, и их веры не нарушить до окончания жительствова. И ныне те государевы указы стали нарушены, и прибыльщики наложили на них прибыльные дела и в наказе им прочитали, а тот указ от великого государя к ним прибыльщиком прислан ли, или нет, и прежняя государевы указы у них прочитаны велено ль, или нет, про то они не ведают, и они де того Жихарева с теми прибыльными делами оспорили» (*Материалы...*, 1936: 259).

В 1708 г., отвечая на вопрос о непосредственном поводе восстания, башкиры показали, что военные действия с их стороны спровоцированы арестом и казнью их посланцев и наложением на них противозаконных податей. При этом они поклялись сложить оружие и платить ясак в случае отмены всех нововведений (*Материалы...*, 1936: 216).

Любопытно, что при этом башкиры стремились выполнять свои обязанности перед государством. В 1708 г. в ходе самого крупного башкирского восстания они добровольно направляли своих воинов для участия в Северной войне (*Рахимов, 2014: 234*), тем самым показывая властям, что свои подданные обязательства они выполняют.

О том, что башкиры расценивали свои вооруженные выступления как действия, имеющие законный характер, свидетельствует и лексика восставших. В 1736 г. на язык башкирских челобитных обратил внимание В.Н. Татищев: «Земли, данные е.и.в., называют они своими, а бунты войной, отпущения же вин миром» (*РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1183. Л. 230*). Российские власти до восстания 1735–1740 гг. также называли восстания башкир «войнами». В наказе уфимскому воеводе Ф.И. Сомову от 1664 г. восстание 1662–1664 гг. определено как башкирская война (*История...*, 2012: 71). Как отмечает К. Шмитт, в войне, в отличие от восстания, обе стороны имеют равноправный статус. Враг перестает быть чем-то, что подлежит уничтожению. В итоге становятся возможны мирные договоры (*Шмитт, 2008: 169*). Действительно, в ходе восстания обе стороны вступали в переговоры, заключали перемирия и прибегали к услугам парламентариев. К примеру, один из руководителей восстания 1662–1664 гг. тархан Кипчакской волости Конкас Давлетбаев еще в июле 1663 г. руководил действиями восставших в районе Уфы (*РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 566. Л. 4*), а 1 марта 1664 г. был передан уфимским властям в качестве аманата (*Материалы...*, 1936: 192).

В 1719 г. российские власти официально признали законность коллективных протестов башкир, требующих наказать служащих Ижорской канцелярии, спровоцировавших восстание 1704–1711 гг. Были арестованы наиболее одиозные представители ведомства во главе с А.С. Сергеевым, находившимся в заключении почти 6 лет.

Таким образом, объяснения характера башкирских восстаний XVII–XVIII вв. следует искать в государственно-правовой традиции Монгольской империи, отраженной в трансформированном на башкирской почве мифе о Чингисхане. Особо следует отметить, что в этом мифе не только институализируется определенный государственный правопорядок, но и описывается инструмент его восстановления, в том случае, если правитель нарушит его.

Возникает вопрос: чем объяснить упорство, с которым башкиры отстаивали свои права? Не проще ли было им перейти под защиту калмыков, казахов или каракалпаков? В свое время большинство ногаев и калмыков предпочли откочевать за пределы власти России. Следует отметить, что отдельные прецеденты подобного рода имели место и у башкир. В ходе восстания 1662–1664 гг. около 10 тысяч башкир Ногайской дороги ушли к калмыцкому тайше Аюке (*РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 163. Л. 144*). Однако после восстания практически все они вернулись обратно. Их не устроили калмыцкие порядки. Уголовное уложение «Цааджин-Бичик» калмыков, принятое в 40-е гг. XVII в., утвердило абсолютную власть высшего общества над рядовыми общинниками. Элита в калмыцком обществе свободно распоряжалась свободой, собственностью и даже жизнью простых калмыков (*Нефедьев, 1834: 90*). Башкиры, исповедовавшие ислам и не понимавшие их языка, не могли претендовать на особое положение в общине (*Акманов, 1993: 56*). Предводитель восстания 1662–1664 гг. Досмухаметов признался уфимскому воеводе А.М. Волконскому: «...До сего калмыков не видали – и ныне сами видим и я сам осмотрел – в калмыках нам умереть» (*Устюгов, 1950: 149*). Массовый уход башкир Бурзянской и других южных волостей в казахские степи после восстания 1755–1756 гг. закончился полным разорением и трагедией для большинства беглецов (*НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 51. Л. 11-343*).

Башкиры не могли быть интегрированы в социальные структуры соседних кочевых народов без утраты своей идентичности. На Южном Урале еще в период Монгольской империи возник проект политического объединения, где горизонтальные связи между родоплеменными структурами доминировали над вертикальными. Сетевая структура башкирской политики не предполагала организации единого центра власти. Все башкирские роды были равны. Сами башкиры связывали формирование этой политики с именем Чингисхана. В XVII в. в Башкирии появилась особая редакция исторического сказания о Чингисхане и его потомках «Дафтар-и Чингизнаме». В отличие от азиатских источников о Чингисхане, в башкирском варианте описываемые события были перенесены на территорию Башкирского края, а главными героями повествования выступали башкиры (*Надергулов, 2001: 57*). Краткая версия истории о поисках Чингисхана по приказу его матери вошла во многие башкирские шежере. Башкирские роды не были прямо подчинены монгольским улусным правителям. На территории башкирских кочевий не было административных центров чингизидов,

что и было зафиксировано в этом источнике. В башкирской политике не было иерархии родовых структур, венчаемой чингизидом. Эгалитарная структура не принимала в расчет численность родового ополчения, размер территории, где проживал род, или древность его обитания на Южном Урале. Однако такая структура башкирского общества не обладала внутренними инструментами разрешения межродовых конфликтов. Поэтому башкирская политика должна была являться частью имперской структуры, которая была бы заинтересована в поддержании правопорядка и мира между родами. В случае ухода к казахам или каракалпакам башкирские роды уже не могли поддерживать привычные для них горизонтальные связи. Они должны были быть встроены в иерархическую вертикаль во главе с ханом. Альтернативным вариантом являлось поступление башкир в личные дружины ханов. Но подобный вариант ставил башкир в полную зависимость от ханов. По этим же причинам башкиры упорно уклонялись от создания собственного ханства, хотя в ходе каждого восстания ханы у них появлялись.

5. Заключение

Подведем итоги. Рассмотрение башкирских восстаний XVII–XVIII вв. в дискурсе цивилизационного или формационного подходов неизбежно приводит к характеристике их как национально-освободительных или антифеодальных выступлений. Мы считаем, что непротиворечивая трактовка башкирских восстаний возможна в рамках традиционных представлений самих башкир, основанных на мифе о Чингисхане. Этот миф легитимизировал вооруженное выступление против главы государства, который нарушил традиционные основы империи. Исторические истоки этого мифа следует искать в особом статусе башкир в политической конфигурации Монгольской, а впоследствии и Российской империй. Миф о Чингисхане, который установил полномочие курултая на смещение хана, башкиры трансформировали в соответствии с политической спецификой своего общества. Отсутствие в башкирском социуме институциональной элиты (белой кости) обусловило передачу права на смещение хана от съезда чингизидов к народному собранию. Все башкирские восстания начинались только после решений йыйынов, узаконивавших вооруженный протест. С другой стороны, отсутствие у башкир своих чингизидов сделало имперский проект единственно возможным вариантом существования башкирской политики. Провозглашение собственного ханства во главе с приглашенным чингизидом могло рассматриваться башкирами лишь как средство давления на империю, но не в качестве основной цели восстания.

6. Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (соглашение №20-09-42053: «Трансформация отношений центра и этнической окраины в период Петровских преобразований (на примере нерусского населения Уфимской провинции первой четверти XVIII в.)»).

Литература

- Азнабаев, 2016** – Азнабаев Б.А. Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII вв. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. 370 с.
- Азнабаев, 2005** – Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). Уфа: РИЦ БашГУ, 2005. 210 с.
- Азнабаев, 1999** – Азнабаев Б.А. Уфимское дворянство в конце XVI – первой трети XVIII вв. (землевладение, социальный состав, служба). Уфа: Изд-во Башкирск. университета, 1999. 191 с.
- Акманов, 1993** – Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII – первой трети XVIII вв. Уфа: Китап, 1993. 376 с.
- Акманов, 2016** – Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков: феномен в истории народов Евразии. Уфа: Китап, 2016. 376 с.
- Бабин, 2013** – Бабин Б.В. Право на сопротивление как глобальное право // *Юридические исследования*. 2013. № 5. С. 181-200.
- Валиди, 2010** – Валиди А.-З. История башкир. Уфа: Китап, 2010. 352 с.
- Владимирцев, 1934** – Владимирцев Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: АН СССР, 1934. 224 с.
- Гафаров, Галеева 2018** – Гафаров А.А., Галеева М.А. Проблемы российского колониализма и антиколониального движения в отечественной научной литературе (вторая половина XIX–XX вв.) // *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2018. № 3. С. 18-28.
- Демидова, 2003** – Демидова Н.Ф. Башкирские посольства в Москву в XVII в. // *От древней Руси к России Нового времени*. М.: Наука, 2003. С. 176-184.
- Ерофеева, 2007** – Ерофеева И.Н. Хан Абулхайр: полководец, правитель, политик. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 456 с.
- Зинуров, 2001** – Зинуров Р.Н. Башкирские восстания и индейские войны – феномен в мировой истории. Уфа: Гилем, 2001. 536 с.

- Измайлов, 2002** – *Измайлов И.Л.* Формирование этнополитического самосознания населения Улуса Джучи: некоторые элементы и тенденции развития тюркско-татарской исторической традиции // *Источниковедение истории улуса Джучи*. Казань: АН РТ, 2002. С. 244-262.
- История..., 2011** – История башкирского народа. Уфа: Гилем, 2011. Т.3. 467 с.
- История..., 2012** – История башкирского народа // Сборник документов и материалов. 1574–1798 гг. Уфа: Гилем, 2012. Т. 3. 567 с.
- История..., 1996** – История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. Уфа: Китап, 1996. 520 с.
- Кант, 1965** – *Кант И.* Общее замечание относительно правовых следствий из природы гражданского союза. М.: Мысль, 1965. Т. 4. 478 с.
- Каппелер, 2000** – Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М.: Традиция, 2000. 344 с.
- Кондуков, 2019** – *Кондуков В.Е.* Политическая теология Карла Шмитта: дискурс и метод // *Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2019. № 3. Т. 4. С. 49-78.
- Кузеев, 1960** – *Кузеев Р.Г.* Башкирские шежере. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1960. 304 с.
- Макглинн, 2011** – *Макглинн Ш.* Узаконенная жестокость. Правда о средневековой войне. Смоленск: Русич, 2011. 448 с.
- Материалы..., 1936** – Материалы по истории Башкирской АССР. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. М.-Л.: АН СССР, 1936. Ч. 1. 631 с.
- НА УФИЦ РАН** – Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук.
- Надергулов, 2001** – *Надергулов М.Х.* Башкирские рукописные исторические источники конца XIX – начала XX вв. и письменное наследие Г. Киикова // *Уникальные источники по истории Башкортостана / Материалы Первой межрегиональной научно-практической конференции и ассамблеи народов Республики Башкортостан, 19 декабря 2000 г.* Уфа: РИЦ БашГУ, 2001. 211 с.
- Нефедьев, 1834** – *Нефедьев Н.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб.: Тип. К. Крайя, 1834. 290 с.
- Новиков, 2006** – *Новиков Е.В.* Лики ностальгии // *Человек*. 2006. № 3. С. 21-31.
- Почекаев, 2014** – *Почекаев Р.Ю.* Казахские ханы XVIII в. в борьбе за власть над Башкирией: золотоордынское наследие в новых политико-правовых реалиях // *Научный ежегодник «Средневековые тюрко-татарские государства»*. 2014. № 6. С. 111-118.
- Почекаев, 2017** – *Почекаев Р.Ю.* Легитимация власти, узурпаторство и самозванство в государствах Евразии. Тюрко-монгольский мир XIII – начала XX вв. М.: Высшая школа экономики, 2017. 215 с.
- Почекаев, 2013** – *Почекаев Р.Ю.* Религиозные факторы легитимации власти в Золотой Орде и позднесредневековых тюрко-монгольских государствах XV–XVIII вв. // *Золотоордынское обозрение*. 2013. № 1. С. 65-96.
- Пузанов, 2014** – *Пузанов В.Д.* Размышление о причинах башкирских восстаний XVI–XVIII вв. / История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири / Материалы II Всероссийской научной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. 148 с.
- Рахимов, 2014** – *Рахимов Р.Н.* На службе у «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII – первой половине XIX вв. М.: РИСИ, 2014. 544 с.
- Рахматуллин, 1988** – *Рахматуллин У.Х.* Население Башкирии в XVII–XVIII вв.: Вопросы формирования небашкирского населения. М.: Наука, 1988. 188 с.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Таймасов, 2009** – *Таймасов С.У.* Башкирско-казахские отношения в XVIII в. М.: Наука, 2009. 317 с.
- Толстов, 1934** – *Толстов С.П.* Генезис феодализма в кочевых обществах. ИГАИМК. М., 1934. Вып. 103. С. 98-122.
- Устюгов, 1950** – *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1737–1739 гг. М.-Л.: АН СССР, 1950. 154 с.
- Фирсов, 1871** – *Фирсов Н.А.* Иностранческое население прежнего казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация Закамских земель // *Ученые записки Казанского университета*. 1871. Т. VI. С. 297-401.
- Шмитт, 2008** – *Шмитт К.* Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. 670 с.
- Шмитт, 2000** – *Шмитт К.* Политическая теология. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. 336 с.
- Шмитт, 2016** – *Шмитт К.* Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. 588 с.
- Шорковиц, 2021** – *Шорковиц Д.* Была ли Россия колониальной империей? // *Nomadic civilization: historical research*. 2021. № 2. С. 86-104.
- Юдин, 1992** – *Юдин В.П.* Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая // *Чингиз-наме*. Алма-Ата: Гылым, 1992. 296 с.

- Юрченко, 2006 – Юрченко А.Г. Историческая география политического мифа. Образ Чингисхана в мировой литературе XIII–XV вв. СПб.: Евразия, 2006. 640 с.
- Bernard, 1996 – Bernard S. Cohn. Colonialism and Its Forms of Knowledge. The British in India. Princeton: Princeton university press, 1996. 216 p.
- Gallagher, Robinson, 1953 – Gallagher J., Robinson R. The Imperialism of Free Trade // *Economic History Review. 2nd Series.* 1953. Vol.VI. No.1. P. 1-15.
- Sneath, 2009 – Sneath D. The Headless State, Aristocratic Orders, Kinship Society and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia. New York: Columbia University Press, 2009. 273 p.

References

- Akmanov, 1993 – Akmanov, I.G. (1993). Bashkirskie vosstaniya XVII – pervoi treti XVIII vv. [Bashkir uprisings of the XVII – first third of the XVIII centuries]. Ufa. [in Russian]
- Akmanov, 2016 – Akmanov, I.G. (2016). Bashkirskie vosstaniya XVII-XVIII vekov: fenomen v istorii narodov Evrazii [Bashkir uprisings of the XVII-XVIII centuries: a phenomenon in the history of the peoples of Eurasia]. Ufa. [in Russian]
- Aznabaev, 1999 – Aznabaev, B.A. (1999). Ufimskoe dvoryanstvo v kontse XVI – pervoi treti XVIII vv. (zemlevladienie, sotsial'nyi sostav, sluzhba) [Ufa nobility at the end of the XVI – first third of the XVIII centuries (land ownership, social composition, service)]. Ufa. [in Russian]
- Aznabaev, 2005 – Aznabaev, B.A. (2005). Integratsiya Bashkirii v administrativnuyu strukturu Rossiiskogo gosudarstva (vtoraya polovina XVI – pervaya tret' XVIII vv.) [Integration of Bashkiria into the administrative structure of the Russian state (the second half of the XVI – first third of the XVIII centuries)]. Ufa. [in Russian]
- Aznabaev, 2016 – Aznabaev, B.A. (2016). Bashkirskoe obshchestvo v XVII – pervoi treti XVIII vv. [Bashkir society in the XVII – first third of the XVIII centuries]. Ufa. [in Russian]
- Babin, 2013 – Babin, B.V. (2013). Pravo na soprotivlenie kak global'noe pravo [The right to resist as a global right]. *Yuridicheskie issledovaniya.* 5: 181-200. [in Russian]
- Bernard, 1996 – Bernard, S. Cohn. (1996). Colonialism and Its Forms of Knowledge. The British in India. Princeton.
- Demidova, 2003 – Demidova, N.F. (2003). Bashkirskie posol'stva v Moskvu v XVII v. [Bashkir embassies to Moscow in the XVII century]. Moskva. [in Russian]
- Erofeeva, 2007 – Erofeeva, I.N. (2007). Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel', politik [Khan Abulkhair: commander, ruler, politician]. Almaty. [in Russian]
- Firsov, 1871 – Firsov, N.A. (1871). Inorodcheskoe naselenie prezhnego kazanskogo tsarstva v novoi Rossii do 1762 goda i kolonizatsiya Zakamskikh zemel' [The foreign population of the former Kazan Kingdom in the new Russia before 1762 and the colonization of the Zakamsky lands]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta.* VI: 297-401. [in Russian]
- Gafarov, Galeeva, 2018 – Gafarov, A.A., Galeeva, M.A. (2018). Problemy rossiiskogo kolonializma i antikolonial'nogo dvizheniya v otechestvennoi nauchnoi literature (vtoraya polovina XIX-XX vv.) [Problems of Russian colonialism and the anti-colonial movement in Russian Scientific Literature (the second half of the XIX-XX centuries)]. *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta.* 3: 18-28. [in Russian]
- Gallagher, Robinson, 1953 – Gallagher, J., Robinson R. (1953). The Imperialism of Free Trade. *Economic History Review:* VI. 1-15.
- Istoriya..., 1996 – Istoriya Bashkortostana s drevneishikh vremen do 60-kh godov XIX veka [The history of Bashkortostan from ancient times to the 60s of the XIX century]. Ufa, 1996. [in Russian]
- Istoriya..., 2011 – Istoriya bashkirskogo naroda [History of the Bashkir people]. Ufa, 2011. [in Russian]
- Istoriya..., 2012 – Istoriya bashkirskogo naroda [History of the Bashkir people]. Ufa, 2012. [in Russian]
- Izmailov, 2002 – Izmailov, I.L. (2002). Formirovanie etnopoliticheskogo samosoznaniya naseleniya Ulusa Dzhuchi: nekotorye elementy i tendentsii razvitiya tyurksko-tatarskoi istoricheskoi traditsii [Formation of ethnopolitical self-consciousness of the population of the Ulus of Jochi: some elements and trends in the development of the Turkic-Tatar historical tradition]. *Istochnikovedenie istorii ulusa Dzhuchi:* 244-262. [in Russian]
- Kant, 1965 – Kant, I. (1965) Obshchee zamechanie otnositel'no pravovykh sledstviy iz prirody grazhdanskogo soyuza [General comment on the legal consequences of the nature of a civil union]. Moskva. [in Russian]
- Kappeler, 2000 – Kappeler, A. (2000). Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya: Vozniknovenie. Istoriya. Raspad [Russia – a multinational empire: The Emergence. History. Disintegration]. Moskva. [in Russian]
- Kondurov, 2019 – Kondurov, V.E. (2019). Politicheskaya teologiya Karla Shmitta: diskurs i metod [Karl Schmitt's Political Theology: Discourse and Method]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk.* 3: 49-78. [in Russian]
- Kuzeev, 1960 – Kuzeev, R.G. (1960). Bashkirskie shezhere [Bashkir shezhere]. Ufa. [in Russian]

- Makglinn, 2011** – *Makglinn, Sh.* (2011). Uzakonennaya zhestokost'. Pravda o srednevekovoi voine [Legalized cruelty. The Truth about the Medieval War]. Smolensk. [in Russian]
- Materialy..., 1936** – Materialy po istorii Bashkirskoi ASSR. Bashkirskie vosstaniya v XVII i pervoi polovine XVIII vv. (1936). [Materials on the history of the Bashkir ASSR. Bashkir uprisings in the XVII and first half of the XVIII centuries]. Moskva-Leningrad. [in Russian]
- NA UFITs RAN** – Nauchnyi arkhiv Ufimskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk [Scientific Archive of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences].
- Nadergulov, 2001** – *Nadergulov, M.Kh.* (2001). Bashkirskie rukopisnye istoricheskie istochniki kontsa XIX – nachala XX vv. i pis'mennoe nasledie G. Kiikova [Bashkir handwritten historical sources of the late XIX – early XX centuries and the written heritage of G. Kiikov]. Ufa. [in Russian]
- Nefed'ev, 1834** – *Nefed'ev, N.* (1834). Podrobnye svedeniya o volzhskikh kalmykakh, sobrannye na meste [Detailed information about the Volga Kalmyks collected on the spot]. SPb. [in Russian]
- Novikov, 2006** – *Novikov, E.V.* (2006). Liki nostal'gii [Faces of nostalgia]. *Chelovek*. 3: 21-31. [in Russian]
- Pochekaev, 2013** – *Pochekaev, R.Yu.* (2013). Religioznye faktory legitimatsii vlasti v Zolotoi Orde i pozdnesrednevekovykh tyurkomongol'skikh gosudarstvakh XV-XVIII vv. [Religious factors of legitimization of power in the Golden Horde and the late medieval Turkic-Mongolian states of the XV-XVIII centuries]. *Zolotoordynskoe obozrenie*. 1: 65-96. [in Russian]
- Pochekaev, 2017** – *Pochekaev, R.Yu.* (2017). Legitimizatsiya vlasti, uzurpatorstvo i samozvanstvo v gosudarstvakh Evrazii. Tyurko-mongol'skii mir XIII – nachala XX vv. [Legitimization of power, usurpation and imposture in the states of Eurasia. The Turkic-Mongolian world of the XIII – early XX centuries]. Moskva. [in Russian]
- Pochtekaev, 2014** – *Pochtekaev, R.Yu.* (2014). Kazakhskie khany XVIII v. v bor'be za vlast' nad Bashkiriyei: zolotoordynskoe nasledie v novykh politiko-pravovykh realiyakh [Kazakh Khans of the XVIII century in the struggle for power over Bashkiria: the Golden Horde heritage in new political and legal realities]. Nauchnyi ezhegodnik «Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva». 6: 111-118. [in Russian]
- Puzanov, 2014** – *Puzanov, V.D.* (2014) Razmyshlenie o prichinakh bashkirskikh vosstaniy XVI-XVIII vv. [Reflection on the causes of the Bashkir uprisings of the XVI-XVIII centuries]. Kurgan. [in Russian]
- Rakhimov, 2014** – *Rakhimov, R.N.* (2014). Na sluzhbe u «Belogo tsarya». Voennaya sluzhba nerusskikh narodov yugo-vostoka Rossii v XVIII – pervoi polovine XIX vv. [On the service of the "White Tsar". Military service of non-Russian peoples of the south-east of Russia in the XVIII – first half of the XIX centuries]. Moskva. [in Russian]
- Rakhmatullin, 1988** – *Rakhmatullin, U.Kh.* (1988). Naselenie Bashkirii v XVII-XVIII vv.: Voprosy formirovaniya nebashkirskogo naseleniya [The population of Bashkiria in the XVII-XVIII centuries: Issues of formation of the non-Bashkir population]. Moskva. [in Russian]
- RGADA** – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].
- Shmitt, 2000** – *Shmitt, K.* (2000). Politicheskaya teologiya [Political Theology]. Moskva. [in Russian]
- Shmitt, 2008** – *Shmitt, K.* (2008). Nomos Zemli v prave narodov jus publicum europaeum [Nomos of the Earth in the law of peoples jus publicum europaeum]. SPb. [in Russian]
- Shmitt, 2016** – *Shmitt, K.* (2016). Ponyatie politicheskogo [The concept of political]. SPb. [in Russian]
- Shorkovits, 2021** – *Shorkovits, D.* (2021). Byla li Rossiya kolonial'noi imperiei? [Was Russia a colonial empire?]. *Nomadic civilization: historical research*. 2: 86-104. [in Russian]
- Sneath, 2009** – *Sneath, D.* (2009). The Headless State, Aristocratic Orders, Kinship Society and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia. New York.
- Taimasov, 2009** – *Taimasov, S.U.* (2009). Bashkirsko-kazakhskie otnosheniya v XVIII v. [Bashkir-Kazakh relations in the XVIII century]. Moskva. [in Russian]
- Tolstov, 1934** – *Tolstov, S.P.* (1934). Genezis feodalizma v kochevykh obshchestvakh [The genesis of feudalism in nomadic societies]. Moskva. [in Russian]
- Ustyugov, 1950** – *Ustyugov, N.V.* (1950). Bashkirskoe vosstanie 1737-1739 gg. [Bashkir Uprising of 1737-1739]. Moskva-Leningrad. [in Russian]
- Validi, 2010** – *Validi, A.Z.* (2010). Istoriya bashkir [History of Bashkirs]. Ufa. [in Russian]
- Vladimirtsev, 1934** – *Vladimirtsev, B.Ya.* (1934). Obshchestvennyi stroi mongolov. Mongol'skii kochevoi feodalizm [The social system of the Mongols. Mongolian Nomadic feudalism]. Leningrad. [in Russian]
- Yudin, 1992** – *Yudin, V.P.* (1992). Ordy: Belaya, Sinyaya, Seraya, Zolotaya [Hordes: White, Blue, Gray, Gold]. Alma-Ata. [in Russian]
- Yurchenko, 2006** – *Yurchenko, A.G.* (2006). Istoricheskaya geografiya politicheskogo mifa. Obraz Chingis-khana v mirovoi literature XIII-XV vv. [The historical geography of the political myth. The image of Genghis Khan in the world literature of the XIII-XV centuries.]. SPb. [in Russian]
- Zinurov, 2001** – *Zinurov, R.N.* (2001). Bashkirskie vosstaniya i indeiskie voyny – fenomen v mirovoi istorii [Bashkir uprisings and Indian wars – a phenomenon in world history]. Ufa. [in Russian]

О характере башкирских восстаний XVII–XVIII вековБулат Ахмерович Азнабаев ^{a,*}, Алексей Иванович Кортунов ^b^a Башкирский государственный университет, Российская Федерация^b Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Российская Федерация

Аннотация. На сегодняшний день объяснение характера башкирских восстаний XVII–XVIII вв. сводится к четырем распространенным концепциям: изначальной враждебности кочевой цивилизации к оседлому миру, стремлению башкир восстановить структуры Монгольской империи или даже создать собственное ханство, антиколониальному выступлению, феодальному сепаратизму башкирской кочевой знати. По нашему мнению, ни одна из представленных концепций не может дать непротиворечивого объяснения феномена башкирских восстаний. В свою очередь, мы предлагаем взгляд на данную проблему в дискурсе метода политической теологии К. Шмитта. Он выявил аналогию между политическими представлениями и теологическими понятиями данного конкретного общества. Мы утверждаем, что политические представления башкир XVII–XVIII вв. имели аналогию с мифом о Чингисхане, отразившимся в литературных текстах и шежере башкир. В этом мифе деяния Чингисхана признаются в качестве причины существующего мироустройства, однако дальнейшая история происходит уже без его руководящей роли. Демиургическая роль Чингисхана не стала основанием для сакрализации его потомков, которые подлежали смещению в случае нарушения ими заповедей своего предка. Подобная политико-правовая система вызывает аналогию с деизмом в теологии, который изгоняет «чудо из мира», запрещая суверену вторгаться в действующий правопорядок. Принципиальное расхождение ясы Чингисхана с концепцией правового государства Канта и Шмитта начинается с определения отношения к суверену, решившемуся на отмену действующего правопорядка, т.е. вводящего чрезвычайное положение. В чингисизме оно исключено и любое нарушение правопорядка должно пресекаться свержением правителя. Если на имперском уровне эта прерогатива принадлежала курултайю, то в Башкирии XVII–XVIII вв. ввиду отсутствия институциональной элиты эту роль выполняли йыйыны. После добровольного принятия российского подданства в середине XVI в. миф о Чингисхане был распространен башкирами на русских монархов. Все башкирские восстания XVII–XVIII вв. являлись следствием одностороннего нарушения российскими властями условий добровольного соглашения с башкирами, которые полагали, что сопротивление правителю, преступающему собственные законы, является проявлением лояльности государству. Пассивное сопротивление было исключено, потому что башкиры не могли быть интегрированы в социальные структуры соседних кочевых народов без утраты своей идентичности. На Южном Урале еще в период Монгольской империи возник особый вариант политического объединения, в котором горизонтальные связи между родоплеменными структурами доминировали над вертикальными. Подобная эгалитарная структура башкирского общества не обладала внутренними инструментами разрешения межродовых конфликтов. Башкирская полития должна была являться частью имперской структуры, которая была бы заинтересована в поддержании правопорядка и мира между родами. По этим же причинам башкиры уклонялись от создания собственного ханства.

Ключевые слова: башкирские восстания, чингисизм, политическая теология, башкирская полития.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: azbulatt@rambler.ru (Б.А. Азнабаев), kortunov@rambler.ru (А.И. Кортунов)